

Е.А. Архипова

П.Г. РЫНДЗЮНСКИЙ — ИССЛЕДОВАТЕЛЬ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ СТАРООБРЯДЧЕСТВА*

Ни одно исследование, посвященное экономической истории старообрядчества, не обходится без упоминания работы Павла Григорьевича Рындзюнского (1909–1993) о Преображенском кладбище 40-х гг. XIX в. Вместе с тем, нельзя сказать, что тема старообрядчества была основной в творчестве этого советского историка. Так, по мнению Г.П. Жидкова, Рындзюнский был историком одной темы, к разработке которой он подходил с разных сторон. «Это тема генезиса и утверждения капитализма в экономике и социальном строе России, прежде всего — в области аграрных отношений»¹. С этим мнением можно согласиться, но все-таки история старообрядчества занимала достойное место среди интересов исследователя. Тем более, следует принимать во внимание тот факт, что в советской историографии история религии, религиозных движений была далеко не магистральным направлением. И уже само обращение советского историка к данной теме являлось скорее чем-то уникальным, чем закономерным.

В связи с этим возникает целый ряд вопросов, в частности: почему П.Г. Рындзюнский обратился к истории старообрядчества? Как эта тема связана с другими темами, над которыми он работал? Какое место его исследования занимают в российской историографии социально-экономической истории старообрядчества?

Чтобы всесторонне раскрыть эти и другие вопросы, необходимо провести исследование интеллектуальной биографии историка. Цель же данной статьи более скромная. Она заключалась в том, чтобы осветить старообрядческую тему в творчестве П.Г. Рындзюнского.

---

* Статья выполнена при поддержке ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг. по направлению «Исторические науки». Мероприятие 1.2.2. Проект: «Переломные периоды в развитии русской историографии XVI–XXI вв. глазами молодых исследователей».

Начать, пожалуй, стоит с того, что с января 1931 г. по октябрь 1932 г., после окончания исторического отделения этнологического факультета Московского государственного университета по специальности «музейная работа» Павел Григорьевич работал в Ростовском краеведческом музее Ярославской области сначала заведующим отделом, а затем заместителем директора по научной части². Можно предположить, что именно тогда он и познакомился с хранившейся в музее рукописной коллекцией А.А. Титова. В составе этой коллекции находились рукописи и бумаги П.И. Мельникова, которые были приобретены Титовым в 1883 г. В архиве Мельникова имелись также бумаги таких знатоков старообрядчества и сектантства, как И.П. Липранди и Н.И. Надеждина³. Среди бумаг И.П. Липранди были и донесения полицейских агентов, занимавшихся специальным секретным расследованием деятельности московских старообрядцев с ноября 1844 по июль 1848 г. На основе этих материалов П.Г. Рындзюнский была впоследствии написана статья «Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма (на примере истории московской общины федосеевцев в 40-х гг. XIX в.)».

В 1932 г. П.Г. Рындзюнский перешел на работу в Государственный исторический музей, где проработал до 1950 г.⁴ Повидимому, интерес к истории религиозных движений возник у П.Г. Рындзюнского еще в ходе работы над кандидатской диссертацией («Значение развития деревенских промыслов для классовых отношений в крепостном поместье (по материалам Калужской губернии первой трети XIX в.)»), которая была защищена им в 1941 г. В отделе рукописей Российской государственной библиотеки, в фонде В.Д. Бонч-Бруевича сохранилась рецензия последнего на статью П.Г. Рындзюнского «Крестьяне и духоборцы помещика Шишкина», датируемая маем 1935 г.⁵ Бонч-Бруевич раскритиковал статью молодого автора, указав на его основную ошибку, ставившую под вопрос все проведенное исследование. Бонч-Бруевич полагал, что Рындзюнскому не стоило полагаться на слова священника местного села, который в одном из своих писем пишет, что «сектанты духоборцы ему отравляют жизнь». По мнению Бонч-Бруевича, господствующее духовенство всегда и везде «старалось приписать всевозможным людям имеющим

разномыслие с ортодоксией, то название, которое было наиболее одиозно и которое наиболее преследовалось по закону». Это позволяло духовенству скорее разделаться с такими врагами⁶. Рецензент был убежден, что рассматриваемые автором духоборцы на самом деле старообрядцы, неприемлющие священство (возможно, спасова согласия)⁷. Поэтому Бонч-Бруевич считал, что статья требует радикальной переработки, и предлагал изменить название работы на «Историю экономических отношений села Беклемишева»⁸.

В 1938 г. вышла статья Рындзюнского «Расслоение крестьянства и классовая борьба в крепостной вотчине в 20-х годах XIX в.»⁹. Трудно сказать, была ли эта статья новым вариантом статьи «Крестьяне и духоборцы помещика Шишкина», но она была написана на материале того же села Беклемишева. И в ней ничего не говорилось ни о духоборцах, ни о старообрядцах.

В 1947 г. Павел Григорьевич начал работать в Институте истории Академии наук СССР в секторе истории религии и атеизма, который возглавлял В.Д. Бонч-Бруевич¹⁰. В 1948 г. им была подготовлена статья «Московская община федосеевцев в середине XIX в.». В отличие от статьи 1935 г. это исследование П.Г. Рындзюнского было высоко оценено В.Д. Бонч-Бруевичем¹¹.

Прежде всего Бонч-Бруевич подчеркивал, что «П.Г. Рындзюнский пошел по правильному пути к первоисточникам, чем его работа хорошо отличается от других». Критикуя автора за использование словосочетания «разоблачение старообрядчества», он писал, что старообрядчество не нуждается в разоблачении. Как и любое другое народное движение его надо изучать на основании книжных, архивных и рукописных данных. А это, по мнению Бонч-Бруевича, делалось мало. «Даже такие исследователи, как Плеханов, — писал он, — ничего кроме нескольких книжек, нередко весьма тенденциозных, — ничего иного не знали и делали свои выводы без знания настоящей фактической жизни этих много миллионных масс населения»¹². Таким образом, в исследовании Рындзюнского он увидел реализацию своей научной установки, которая несмотря на различие идеологических позиций была близка позиции расколовца П.И. Мельникова. Последний полагал, что прежде чем предлагать законченную концепцию раскола, необходимо собрать и проанализировать

многочисленные факты, заняться публикацией источников, провести архивные и этнографические исследования¹³.

Как уже говорилось выше, П.Г. Рындзюнский в качестве источника использовал донесения полицейских агентов о деятельности московских старообрядцев с ноября 1844 по июль 1848 г. из коллекции А.А. Титова. Эти рукописи были опубликованы самим А.А. Титовым еще 80–90-е гг. XIX в. в ряде томов «Чтений в Обществе истории и древностей Российских» под названием «Дневные дозорные записи о московских раскольниках»¹⁴. Сверка публикации с рукописями позволила историку заключить, что публикация была произведена неудовлетворительно, поскольку некоторые части текста Титовым пропускались, а некоторые слова и выражения заменялись другими. И то и другое делалось публикатором без всяких оговорок. Так, например, в публикации А.А. Титова отсутствуют, за исключением нескольких случайных отрывков, обширные ведомости, составлявшие большую и органическую часть всего документа. При этом подобное обращение с текстом, по замечанию Рындзюнского, имело не случайный, а систематический характер¹⁵.

Недоумение вызывало у П.Г. Рындзюнского и то, что А.А. Титов в предисловии к публикации источника затруднился назвать авторов этих донесений, хотя бумаги Липранди напрямую указывают на это. Рындзюнский считал, что «автором записей или лицом, стоявшим близко к их составлению, до 1847 г. был сам И.П. Липранди, а в 1847 г. и 1848 г. они выполнялись бывшим товарищем министра внутренних дел И.П. Сенявиным под руководством того же Липранди, который для своего времени считался среди полицейских служителей одним из лучших знатоков старообрядчества»¹⁶. Пытаясь объяснить, почему А.А. Титов не указал авторов донесений, историк делал предположение, что само полицейское происхождение этих рукописей и их секретный статус могли повлиять на его решение¹⁷.

Принимая во внимание эти факты, В.Д. Бонч-Бруевич считал необходимым в будущем переиздать «Дневные дозорные записи о московских раскольниках», устранив при этом все те искажения, которые были допущены при первой публикации¹⁸. Помимо этого он также предлагал вместе со статьей Рындзюнского опубликовать устав московской федосеевской общины,

выработанный С.С. Гнусиным и сравнить его с более умеренным вариантом устава, который был еще в 1869 г. опубликован Н. Поповым в «Чтениях в Обществе истории и древностей Российских». При этом, по мнению В.Д. Бонч-Бруевича, необходимо было бы подчеркнуть, что «предыдущие исследователи, принадлежащие, несомненно, к правительственному, а нередко и к поповскому лагерю, сознательно приуменьшали значение этих народных общественно-религиозных движений, публикуя более умеренные документы («уставы», «планы»), которые явились вынужденным компромиссом из требований и желаний вождей бедноты, — (а таковым был Гнусин) — и желаниями более умеренной, мелкособственнической братии»¹⁹.

Привлечение нового архивного материала, проведенная источниковедческая работа — все это принадлежало к безусловным достоинствам исследования П.Г. Рындзюнского. Но предлагалось ли им новая интерпретация истории московской федосеевской общины?

К моменту написания Рындзюнским своей статьи в советской историографии уже сложилась марксистская концепция истории старообрядчества и его отдельных согласий. Применяя классовый подход, советская историография трактовала старообрядчество как совокупность различных социальных движений. Этот подход был реализован уже в пятитомной «Русской истории с древнейших времен» М.Н. Покровского. Главы по истории религии и церкви для этого издания были написаны Н.М. Никольским. Впоследствии они были переработаны им в отдельную книгу «История русской церкви», опубликованную в 1930 г.

Используя классовый подход, Н.М. Никольский предложил следующую трактовку поповщины и беспоповщины. Если первая представляла собой изначально буржуазную организацию по своему социальному составу и идеологии, то беспоповщина была сначала исключительно крестьянским движением, однако в силу социальной дифференциации в ней впоследствии выделилось буржуазное направление²⁰. Буржуазное направление, примирившееся с миром и пошедшее по пути развития своих общин как торгово-промышленных предприятий, было, по мнению Никольского, представлено преображенцами, выговцами, монинцами; крестьянское же направление, напротив, отреагав-

шееся от мира, где царствует антихрист, — филипповцами и бегунами²¹.

Характеризуя развитие религиозного движения в XIX в., Никольский выделил два направления: буржуазную старообрядческую церковь и религиозный крестьянский коммунизм²². К первому направлению историк относил Преображенское и Рогожское кладбища, а также скопческую организацию, которые рассматривались им как организации торгового капитала²³. Несмотря на то, что часть беспоповщины Н.М. Никольский также относил к буржуазной организации, он противопоставлял ее поповщине. С его точки зрения, беспоповщина как организация первоначального накопления сыграла свою роль уже в первой четверти XIX в., однако в организацию властвующего капитала в отличие от поповщины она так и не превратилась²⁴. Таким образом, в модели Н.М. Никольского федосеевская организация в XIX в. явилась идеологической надстройкой торгового капитализма, а поповщина — промышленного капитализма.

Более подробно экономическую историю беспоповщины в первой половине XIX в. Н.М. Никольский осветил во втором издании «Истории русской церкви». Он показал, что сама религиозная организация беспоповщины помогла развить свое дело крупным фабрикатам, так как позволяла привлекать дешевую рабочую силу, а также капиталы общин. В свою очередь, источниками капиталов Преображенской общины он называет наследства ее членов и доходы от коммерческой деятельности²⁵. Однако, сыграв свою роль в первоначальном накоплении капитала, федосеевская организация не смогла стать базой для развития промышленного капитала. Причина этого, по мнению Н.М. Никольского, заключалась в том, что не было обеспечено наследственное право собственности, браки беспоповцев, а соответственно и дети от этих браков признавались незаконными. К тому же в какой-то момент крупные фабриканты, по мнению историка, «стали явно тяготиться стеснительными лицемерными рамками федосеевской пуританской морали»²⁶.

Если давать оценку работам Н.М. Никольского, то следует подчеркнуть, что они представляли собой обобщение результатов исторических исследований XIX–начала XX вв. в соответствующем (марксистском) обрамлении.

Вопрос о роли Преображенского кладбища в развитии промышленности нового, капиталистического, типа в первой половине XIX в. был также поставлен в статье О. Рустика. В центре его внимания оказался вопрос кредитования и вопрос взаимоотношения между фабрикантами и рабочими²⁷. Эта работа носила скорее характер сообщения, нежели серьезного исследования, опиравшегося на анализ архивного материала. Она не вносила ничего принципиально нового в интерпретацию роли Преображенского кладбища в становлении капиталистической промышленности.

Оценивая исследования своих предшественников, П.Г. Рын-дзюнский отмечал, что «Преображенская община рассматривалась несколько статично и односторонне как организация, созданная лишь в интересах крупной буржуазии»²⁸. В своей статье он попытался показать более сложную картину эволюции федосеевской организации, изучив ее в контексте становления города промышленно-капиталистического типа и, соответственно, формирования классов буржуазного общества.

В Преображенской общине он видел противоборство двух социальных слоев — рядовых членов и промышленников. И если в начале XIX в. община преимущественно выражала интересы демократических кругов, что проявлялось в соответствующей социальной политике (кредит для всех членов, предоставление убежища), то затем эти правила выполнялись лишь в той степени, в какой они соответствовали интересам промышленников. Процесс социальной дифференциации внутри федосеевской организации выражался как в религиозно-бытовых спорах, так и в изменении идеологии рядовых старообрядцев и старообрядческой буржуазии. Так, если мелкая и крупная буржуазия создавала свои независимые от Преображенского кладбища общины или переходила в Покровскую общину поморского согласия, то рядовые старообрядцы возвращались к старым формам федосеевского движения (аристовцы, кондратьевцы, бегуны) или создавали новые секты (секта Вольтеровщины)²⁹.

Таким образом, Рын-дзюнский, опираясь на анализ источников, действительно, предложил более сложное понимание сущности федосеевской организации первой половины XIX в. Но, вместе с тем, эта интерпретация оставалась в границах уже сложившейся в советской историографии схемы.

По всей вероятности, в самом конце 40-х гг. Павел Григорьевич планировал начать работу над будущей монографией, посвященной истории старообрядчества и сектантства в XVIII–первой половине XIX в. В фонде В.Д. Бонч-Бруевича сохранился разработанный П.Г. Рындзюнским план исследования «Вопросы истории старообрядчества и сектантства XVIII–первой половины XIX в.»³⁰. Обосновывая актуальность данной работы, историк писал: «Несмотря на значительное накопление материала вопрос о социальной природе старообрядчества и сектантства и об их общественно-политической значимости еще не решен. Резкими расхождениями, — продолжал он, — отличается в этом вопросе и наиболее ценная для нас из досоветской историографии литература демократического лагеря, а работы советских ученых немногочисленны, часто схематичны и нередко устарели в своих методологических установках»³¹.

В своей будущей работе Рындзюнский планировал раскрыть следующие вопросы: 1. Экономическое содержание религиозно-общественных движений; 2. Социальная программа старообрядчества и сектантства; 3. Старообрядческо-сектантские организации и народно-освободительное движение в России (до 40-х гг.); 4. Судьбы религиозной догматики в старообрядческо-сектантском движении; 5. Религиозно-общественные организации и явления с начала промышленного переворота; 6. Политика дворянского правительства в отношении к религиозной оппозиции³².

К сожалению, этот исследовательский проект так и не был осуществлен историком. Что заставило Рындзюнского отказаться от его реализации? В настоящий момент сложно ответить на этот вопрос. Для этого требуется провести дальнейшие исследования.

В первой половине 50-х гг. выходит серия его статей, посвященных крестьянскому антикрепостническому движению XVIII — первой половины XIX в.³³ Тема народных религиозных движений фигурирует в двух статьях: «Антицерковное движение в Тамбовском крае в 60-х годах XVIII века» и «Движение государственных крестьян в Тамбовской губернии в 1842–1844 гг.». Однако речь в них идет не о старообрядчестве, а о сектантстве. Вместе с тем Рындзюнским утверждался тот же подход, что и в

исследовании о федосеевской общине 40-х гг. Он подчеркивал, что «научное рассмотрение народных религиозных движений немислимо без исторического к ним подхода — без рассмотрения их как явления меняющегося во времени»³⁴. По его мнению, любая религиозная община эволюционировала от действительного равенства к псевдоравенству, которое прикрывало отношения эксплуатации и закабаления одних членов другими; от демократического строя к авторитарному и т.д.³⁵ Таким образом, Рындзюнский еще раз в противовес предшествующей историографии подчеркивал ту идею, что любая религиозная организация подвержена процессу классовой дифференциации.

К теме старообрядчества П.Г. Рындзюнский вновь обратился в монографии «Городское гражданство дореформенной России», один из разделов которой («Отражение социально-экономических процессов в движении федосеевцев») представлял собой переработанную статью 1950 г.³⁶

В этом исследовании П.Г. Рындзюнский ставил перед собой задачу опровергнуть точку зрения дореволюционной историографии о неорганичности городского развития России. Подчеркивая, что до сих пор не проведено научно-критическое изучение городов XVIII–XIX вв., главное назначение такого исследования он видел в том, чтобы, с одной стороны, «раскрыть единство основных закономерностей развития городов России и Запада», с другой стороны — «показать рост русских городов как результат антифеодальных тенденций в социально-экономической жизни и освободительных движений»³⁷.

В центре внимания историка были не только экономические и социальные процессы развития города, но и явления идеологического порядка. К такого рода явлениям и относились старообрядческие организации в промышленно-капиталистических центрах. Рындзюнский полагал, что в этих старообрядческих организациях, хотя и под архаическим покровом, имелись те элементы городской жизни, которые отвечали новым общественно-экономическим потребностям, но которые не удовлетворял официальный город. Этими потребностями были: «мобилизация денежных средств и кредитование промышленников» и «предоставление убежища и первоначального обзаведения освободившимся от деревенских связей крестьянам, переходившим

на положение мелких промышленников или рабочих, а также способствование им в получении гражданских прав»³⁸.

В 1959 г. монография «Городское гражданство дореформенной России» была защищена П.Г. Рындзюнским в качестве докторской диссертации в Институте истории Академии наук СССР. Примечательно, что все три официальных оппонента в своих выступлениях высказались относительно раздела о федосеевской организации. Так, и Н.М. Дружинин, и Л.Б. Генкин находили этот раздел диссертации весьма интересным³⁹. В.В. Покшишевский же был настроен более критично. Он полагал, что это явление переоценивается Рындзюнским, а описанные им факты представляют лишь частный штрих. «Если же автор настаивает на значении старообрядчества, — продолжал оппонент, — то ему следовало доказать (не путем отдельных экскурсов, а с помощью каких-либо сплошных данных), что связанные со старообрядчеством городские контингенты имели достаточно высокий удельный вес в характеризующих общих процессах»⁴⁰.

Это критическое и в целом справедливое замечание могло бы стать толчком к дальнейшему исследованию роли старообрядческих общин в развитии капиталистических отношений. Однако в дальнейшем, если не считать участия в коллективном труде «Русское православие: веки истории»⁴¹, П.Г. Рындзюнский специально не обращался к теме старообрядчества и его роли в становлении капитализма в России.

В заключение следует сказать, что, оставаясь в рамках марксистской интерпретации народных религиозных движений, П.Г. Рындзюнский усложнил ее, наполнив богатым фактическим материалом. Он не просто констатировал, что федосеевская организация являлась идеологической надстройкой торгового капитала, он попытался раскрыть происходившие внутри нее социальные процессы и ту роль, которую она, сама того не желая, играла в формировании новых экономических отношений. Конечно, как любая модель, марксистская модель налагала ограничения на понимание того или иного феномена. Так, например, вопрос о влиянии религиозного учения на экономическую деятельность старообрядческих общин не мог быть сформулирован как самостоятельная исследовательская задача.

Примечания

¹ Жидков Г.П. П.Г. Рындзюнский. Штрихи к портрету историка-аграрника // Северо-Запад в аграрной истории России: межвуз. тематич. сб. науч. тр. Калининград, 1990. С. 119. Этой же точки зрения придерживается Е.Н. Мухина (См.: Мухина Е.Н. Рындзюнский Павел Григорьевич // Энциклопедический словарь Московского университета: Исторический факультет. М., 2004. С. 401.)

² Мухина Е.Н. Указ. соч. С. 401; Архив РАН (АРАН). Ф. 1577, оп. 2, д. 435, л. 1.

³ Смирнов Я.Е. Андрей Александрович Титов (1844–1911). М., 2001. С. 46.

⁴ Жидков Г.П. Указ. соч. С. 122.

⁵ Отдел рукописей Российской государственной библиотеки (ОР РГБ). Ф. 369, к. 70, д. 38.

⁶ Там же. Л. 1–1об.

⁷ Там же. Л. 2об.

⁸ Там же. Л. 1.

⁹ Рындзюнский П.Г. Расслоение крестьянства и классовая борьба в крепостной вотчине в 20-х годах XIX в. // Исторические записки. М., 1938. Т. 4. С. 141–164.

¹⁰ Жидков Г.П. Указ. соч. С. 123. В 1953 г. П.Г. Рындзюнский перешел в сектор истории СССР периода капитализма. (Мухина Е.Н. Указ. соч. С. 401).

¹¹ ОР РГБ. Ф. 369, к. 70, д. 39.

¹² Там же. Л. 38.

¹³ Мельников П.И. Письма о расколе. СПб., 1862. С. 1–10, 13–14, 94–95.

¹⁴ Дневные дозорные записи о московских раскольниках // Чтения в Обществе истории и древностей Российских. 1885. Кн. 2. С. 1–40; Кн. 4. С. 81–120; 1886. Кн. 1. С. 121–192; 1892. Кн. 1. С. 1–98; кн. 2. С. 99–251.

¹⁵ Рындзюнский П.Г. Старообрядческая организация в условиях развития промышленного капитализма (на примере истории московской общины федосеевцев в 40-х гг. XIX в.) // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1950. С. 198–199.

¹⁶ Там же. С. 199.

¹⁷ Там же.

¹⁸ ОР РГБ. Ф. 369, к. 70, д. 39, л. 38об.

¹⁹ Там же. Л. 37об.

²⁰ Русская история с древнейших времен / М.Н. Покровский, Н.М. Никольский, В.Н. Сторожев. М., б.г. Т. 4. С. 196.

²¹ Там же. С. 196–213.

- ²² Там же. С. 226. Также см. о сектантстве подробнее: Там же. Т. 5. С. 186–213.
- ²³ Там же. Т. 5. С. 159–186.
- ²⁴ Там же. С. 176–177.
- ²⁵ Никольский Н.М. История русской церкви. М.; Л., 1931. С. 290–298.
- ²⁶ Там же. С. 295–296.
- ²⁷ Рустик О. Старообрядческое Преображенское кладбище (как накопились капиталы в Москве) // Борьба классов. 1934. № 7–8. С. 70–79.
- ²⁸ Рындзюнский П.Г. Старообрядческая организация... С. 192.
- ²⁹ Там же. С. 214–219, 240–245.
- ³⁰ ОР РГБ. Ф. 369, к. 403, д. 6.
- ³¹ Там же. Л. 1.
- ³² Там же. Л. 2.
- ³³ Рындзюнский П.Г. Антицерковное движение в Тамбовском крае в 60-х годах XVIII века // Вопросы истории религии и атеизма. М., 1954. С. 154–193; Он же. Движение государственных крестьян в Тамбовской губернии в 1842–1844 гг. // Исторические записки. М., 1955. Т. 54. С. 315–326; Он же. Крестьянское антикрепостническое движение в промысловых селах первой четверти XIX века (По материалам Калужской губернии) // Труды / Государственный исторический музей. М., 1955. Вып. 27. С. 86–130.
- ³⁴ Рындзюнский П.Г. Антицерковное движение ... С. 190.
- ³⁵ Там же. С. 191.
- ³⁶ Рындзюнский П.Г. Городское гражданство дореформенной России. М., 1958. С. 455–488.
- ³⁷ Там же. С. 12.
- ³⁸ Там же. С. 458.
- ³⁹ АРАН. Ф. 1577, оп. 2, д. 435, лл. 24, 37.
- ⁴⁰ Там же. Л. 50.
- ⁴¹ Русское православие: веки истории / под ред. А.И. Клибанова. М., 1989. С. 230–308.